

Как гласит народная мудрость, оказаться в нужном месте важнее, чем прийти раньше срока. Когда Фан Цзычэнь вернулся в деревню Сяохэ, он застал именно ту сцену, которую и ожидал: Ма Вэнь в очередной раз преградил дорогу Чжао-гэру.

Кто-то из деревенских, завидев Цзычэня у въезда, тут же бросился к нему:

— Паренёк Фан, ну наконец-то! Скорее иди туда — Ма Вэнь опять твоему супругу прохода не даёт, ругаются на чём свет стоит!

И это была чистая правда. Чжао-гэр с покрасневшими от гнева глазами в упор смотрел на противника, требуя ответа:

— Ты ведь нарочно это делаешь?

Ма Вэнь отвёл взгляд, заюлив:

— Я... я не понимаю, о чём ты.

— Не понимаешь? — Чжао-гэр горько усмехнулся. — Специально ловишь меня там, где побольше народу, чтобы все кругом шептались, будто между нами всё ещё что-то есть. Сначала я даже не догадывался об этом. Если бы Чжоу-гэр не рассказал мне, какие слухи ползут по деревне, я бы так и оставался в неведении. Ма Вэнь, я насквозь вижу все твои подлые замыслы.

— ...Вовсе нет.

Тот попытался было оправдаться, но супруг Фан Цзычэня не дал ему и слова вставить. Глядя на него с ледяным презрением, юноша продолжил:

— Ты ведь надеешься, что если Фан Цзычэнь наслушается сплетен, то усомнится во мне и выставит вон? Думаешь, раз мне некуда будет пойти, а репутация окажется безнадёжно испорчена, то я, обременённый ребёнком, в итоге приползу к тебе?

Ма Вэнь всё ещё пытался изобразить праведное негодование:

— Чжао-гэр, ты всё не так понял. У меня и в мыслях такого не было.

— Тогда почему ты раз за разом преследуешь меня? Почему говоришь такие вещи, которые любой истолкует двояко? — в голосе Чжао-гэра звучал неприкрытый сарказм. — Ма Вэнь, ты прогнал до самого основания. Раньше я тебя так сильно не ненавидел, но сейчас... твоя

низость вызывает у меня лишь тошноту.

Собеседник внезапно осекся. Слова Чжао-гэра били наотмашь, не оставляя места для манёвров. Когда его тайные, грязные намерения вот так бесцеремонно выставили на свет, в нём вместе со стыдом вспыхнула ярость.

— Да! — выплюнул он, наконец отбросив притворство. — Именно так я и думал! Ты изначально должен был принадлежать мне, и я просто ищущу способ вернуть тебя. Что в этом плохого? Чжао-гэр, я ведь люблю тебя!

Сколько бы раз они ни говорили, Ма Вэнь, казалось, был совершенно непробиваем. Чжао-гэр, чувствуя, как внутри всё закипает от раздражения, уже собирался ответить, когда тишину пререзал холодный, пропитанный неприкрытой угрозой голос:

— Любишь, твою мать...

Глаза Чжао-гэра испуганно расширились.

Ма Вэнь резко обернулся. Фан Цзычэнь стоял неподалеку, слегка нахмурившись, и от всей его фигуры исходила такая аура ярости, что воздух вокруг, казалось, похолодел. В правой руке он сжимал увесистую деревянную палку. Медленно, шаг за шагом, он приближался, и конец палки, волоочась по земле, с глухим стуком задевал выступающие камни.

Этот звук действовал на нервы почище барабанного боя, отдаваясь в самой груди.

Ма Вэнь весь напрягся, его самообладание мгновенно улетучилось. Губы дрогнули, а руки мелко затряслись. В памяти вспыхнул образ Лю-паршивца — того самого дня, когда он, избитый до неузнаваемости, пытался отползти от порога, моля о спасении.

— ...Муж, — Чжао-гэр сглотнул, чувствуя, как ладони становятся влажными от пота. Он выдавил из себя слабую улыбку: — Ты... почему ты вернулся так рано?

Фан Цзычэнь не ответил и даже не взглянул на него. Его взор был прикован исключительно к Ма Вэню. Чжао-гэр поджал губы, чувствуя, как сердце сжимается от дурного предчувствия. Вспомнив слова Чжоу-гэра о деревенских сплетнях и видя Фан Цзычэня, вернувшегося в неурочный час, он понял — тот всё знает.

В панике Чжао-гэр хотел было что-то объяснить, но его руку внезапно перехватили. Прежде чем он успел опомниться, Цзычэнь решительным движением задвинул его себе за спину.

Фан Цзычэнь смерил Ма Вэня оценивающим взглядом и усмехнулся:

— Так это ты, значит.

Он уже видел этого человека в городе и ещё тогда подумал, что тот подозрительно смахивает на Ма Дачжуана. Надо же, и впрямь — яблоко от яблоньки.

— Слышал, тебя зовут Ма Вэнь? — Цзычэнь продолжал улыбаться, выглядя при этом как само воплощение благородства. — Какое звучное имя. Свиная чума, конская чума... Ма Вэнь. Очень складное имя, так и просится на язык.

Лицо Ма Вэня стало землисто-серым.

Тем временем вокруг начала собираться толпа любопытных. Кто-то, не желая упустить зрелище, даже пропустил к дому Ма Дачжуана, вопя на ходу:

— Ой, Дачжуан, беда! Твоего сына Фан Цзычэнь убивает! Прямо сейчас прийдёт, а ты дома сидишь! Беги скорее, спасай!

В груди Фан Цзычэня бушевало пламя, готовое вот-вот вырваться наружу, но при Чжао-гэре он продолжал держать марку, сохраняя внешнее спокойствие. Чжао-гэр стоял позади, полностью скрытый его широкой спиной. Ма Вэнь, глубоко вдохнув, решил идти ва-банк:

— Ты и сам знаешь: Чжао-гэр изначально был моим супругом.

— И что с того?

— Когда его продавали тебе, меня не было дома. Но Чжао-гэр — мой фулан, я люблю его и хочу выкупить обратно, — заявил Ма Вэнь.

Фан Цзычэню показалось, что предложение наесться дерьма прозвучало бы сейчас куда реалистичнее. Он ледяным тоном оборвал его:

— Проваливай. И чтобы я тебя рядом с Чжао-гэром больше не видел. Иначе буду бить каждый раз, как встречу.

В глазах Ма Вэня промелькнул страх, но он, из последних сил цепляясь за остатки гордости, выдавил:

— Что, даже приближаться запрещаешь? Боишься, что он снова в меня влюбится?

— Влюбится в тебя? — Фан Цзычэнь расхохотался так, словно услышал лучшую шутку в своей жизни. Он даже прищёлкнул языком, выглядя на редкость довольным: — И за что же ему тебя

любить? За то, что ты уродливее меня? Или за то, что ниже ростом? Когда у него есть такой муж, как я, все остальные смертные для него — лишь серая пыль. И он променяет меня на тебя? Разве что у него ум за разум зайдёт или он внезапно ослепнет.

Ма Вэнь:

«...»

На это нечего было возразить. Просто потому, что каждое слово было чистой правдой.

Не желая окончательно терять лицо перед Чжао-гэром, Ма Вэнь, втоптаный в грязь этим сравнением, выкрикнул:

— У меня есть работа в городском судоходстве! Я зарабатываю шестьсот-семьсот вэнь в месяц! А ты? Что ты умеешь, кроме как мешки на пристани таскать?

Кое-кто из толпы согласно закивал. В этих словах был резон: красота красотой, а сытый желудок и тёплая одежда куда важнее. Чжоу-гэр, стоявший среди зрителей, лишь беззвучно вздохнул. Смешно было видеть, как кто-то, имея в кармане семьсот вэнь, пытается тягаться с тем, кто получает три ланга. Истинное скудоумие.

Фан Цзычэнь промолчал, лишь в очередной раз убедившись, что всё семейство Ма прогнило насквозь. Не зря говорят: родители — первые учителя. Ребёнок, впитывая всё как губка, неизбежно становится их подобием. «Кривая балка — кривой дом», — старая истина, и Ма Вэнь был её наглядным подтверждением.

Такой же эгоистичный, беспринципный и неспособный отличить правду от лжи, как и его родня. Если бы Чжао-гэр хоть каплю симпатизировал ему, Цзычэнь, возможно, повел бы себя иначе. Но Чжао-гэр его ненавидел, а сам Ма Вэнь даже не смог в своё время защитить супруга. Теперь же, когда Чжао-гэр стал частью другой семьи, подобные выходки вызывали лишь омерзение.

Тем временем, теряя на ходу обувь, примчались Ма Дачжуан и Старшая госпожа Ма. Ещё издали она начала завывать, проклиная Фан Цзычэня до седьмого колена, но, подбежав ближе и увидев, что сын жив и здоров, мгновенно осеклась.

Фан Цзычэнь усмехнулся. Старшая госпожа Ма уставилась на палку в его руках — она казалась ей до боли знакомой.

— Ну что же вы замолчали? Продолжайте, я слушаю.

Старшая госпожа Ма не то что ругаться — дышать боялась. Она схватила Ма Вэня за руку, пытаясь увести его прочь. После того как Чжао-гэр полоснул её сына ножом, всё её былое

величие как ветром сдуло. Будь на его месте кто другой, она бы по миру ту семью пустила, но с Чжао-гэром она осмеливалась лишь на тайные проклятия.

Когда они уже собрались уходить, Фан Цзычэнь бросил им в спину:

— Эй, ты сказал, что зарабатываешь семьсот вэнь в месяц? Раз ты такой богатый, заходи как-нибудь в «Башню Пьяной Ночи». Я там работаю счетоводом. Как такому уважаемому человеку, сделаю тебе скидку.

Чжао-гэр:

«...»

Чжоу-гэр приснул в кулак — более тонкой и уничтожающей иронии нельзя было и придумать. Деревенские же замерли в оцепенении, не сразу осознав услышанное. Кто в округе не знал «Башню Пьяной Ночи»? Невероятно... этот паренёк Фан устроился туда счетоводом!

Хэ Си выбрался из толпы и с широкой ухмылкой уточнил:

— И сколько же там платят? Говорят, даже официанты по шестьсот вэнь получают. У тебя-то наверняка побольше будет?

Фан Цзычэнь небрежно ответил:

— Да пустяки, всего три ланга серебра. Так, на хлеб насущный едва хватает.

Толпа зевак:

«...»

Все невольно обернулись к Ма Вэню. Его лицо то бледнело, то краснело, то становилось багровым — зрелище было поистине незабываемым.

Хэ Си присвистнул и, глядя на Ма Вэня, громко расхохотался:

— Три ланга? Ничего себе! Да после такого эти шестьсот вэнь и за деньги-то считать стыдно. И чего некоторые так петушились, спрашивается?

Пока остальные пытались переварить новость о баснословном жаловании в три ланга, Чжао-гэр не проронил ни слова. Пользуясь тем, что со спины их никто не видит, он прижался лбом к широкой спине мужа. Вдыхая знакомый аромат чистоты, исходивший от его одежды, он

чувствовал, как недавняя тревога бесследно исчезает.

Летние одежды были тонкими, и тёплое дыхание Чжао-гэра опаляло кожу сквозь ткань. Почувствовав, как Цзычэнь едва заметно вздрогнул, Чжао-гэр, словно что-то осознав, тихонько рассмеялся и принялся кончиком пальца выводить на его спине замысловатые узоры.

Ощущение было таким, словно по телу пробежала щекотная дрожь — мягкая, дразнящая, пробирающая до самых костей. Фан Цзычэню перехотелось воспитывать Ма Вэня — теперь ему не терпелось заняться воспитанием того, кто стоял у него за спиной.

Бросив напоследок пару веских угроз, он крепко взял Чжао-гэра за руку и повел домой. Гуайцзай всё ещё оставался у тётушки Лю, так что дома никого не было.

<http://bllate.org/book/15357/1428401>